

БАН БЕЛУШ – ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ПРОТОТИПОВ БЫЛИННОГО ГЕРОЯ ДЮКА СТЕПАНОВИЧА

Попытки найти прототипов персонажей древнерусских былин — дело неблагодарное и крайне редко позволяющее исследователю привести достаточно убедительную аргументацию. Главная тому причина — помимо специфики фольклорных произведений эпических жанров — слишком поздняя запись этих памятников устного народного творчества: подавляющее их большинство было записано в XIX в. Тем не менее попытки выяснить, кто скрывается под именем того или иного былинного героя, не прекращаются, несмотря на их большую уязвимость для критики. Так, уже со времени публикации текстов русских былин продолжается полемика между теми, кто видит в них исключительно проявления мифологического сознания русского народа («мифологическая школа»), и исследователями, занимающимися поисками отразившейся в былинах памяти о конкретных исторических фактах и персонажах («историческая школа»).

В настоящей работе рассматривается цикл былин о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче, который был настолько популярен в дореволюционной России, что исследователи записали более 70 его текстов [Астахова, с. 742]. Специалисты признают его памятником, возникшим уже в эпоху Московской Руси (XVI–XVII в.) [Пропп, с. 477], хотя в нем явно отражены и некоторые события более раннего — домонгольского — времени. Один из крупнейших знатоков русского фольклора В. Я. Пропп, которому принадлежит особое место в научной традиции изучения былин, делает акцент на том, что рассматриваемый былинный цикл является произведением, созданным исключительно народной фантазией, поэтому любой ответ на вопрос о том, кто скрывается под именем Дюка, «не может считаться правильным и убедительным» [Там же]. При этом В. Я. Пропп развивает точку зрения, высказанную еще В. Г. Белинским, первым обратившим внимание на художественную сторону былины. Уже в самом начале раздела своего исследования о русском героическом эпосе В. Я. Пропп заявляет: «Наше рассмотрение подтвердит точку зрения Белинского. Былина о Дюке Степановиче — сатира, притом она — совершенно русское сознание и ниоткуда не заимствована» [Там же, с. 478].

Фундаментальное исследование В. Я. Проппа вышло в свет в 1958 г., а через пять лет появилась не менее масштабная работа Б. А. Рыбакова, высказавшего прямо противоположное мнение и предпринявшего очередную попытку найти прототипов Чурилы Пленковича и Дюка Степановича среди исторических деятелей домонгольской эпохи. Уже тогда Б. А. Рыбаков отождествил Чурилу с черниговским (1127–1139 г.), а затем киевским (1139–1146 г.) князем Всеволодом Ольговичем, утверждая, что тот носил христианское имя Кирилл [Рыбаков, 1963, с. 135–138, 354]¹, а Чурила — народный вариант имени Кирилл [Vasmer, с. 358]. Что касается попыток отождествления Дюка с одним из реальных исторических деятелей, то в монографии 1963 г. Б. А. Рыбаков еще не высказался конкретно по этому поводу, ограничившись предположением о том, что повествование о похождениях названного былинного персонажа «очевидно, символизирует победу в Киеве вольнской династии (может быть, в лице Изяслава Мстиславича) над Кириллом — Всеволодом и его братьями черниговскими Ольговичами» [Рыбаков, 1963, с. 354]. Неопределенность относительно прототипа Дюка Степановича вынудила Б. А. Рыбакова датировать в монографии 1963 г. время составления рассматриваемого

¹ Есть свидетельства о том, что Всеволод носил христианское имя Георгий (см.: [Донской, с. 201]; здесь же на с. 204 указаны источники, в том числе печати, на основании которых устанавливается имя, полученное Всеволодом Ольговичем при крещении).

былинного цикла, опираясь на имеющиеся в нем сюжеты, связанные с взаимоотношениями Чурилы Пленковича с Владимиром «стольно-киевским». Сопоставив их с летописными данными о деятельности Всеволода-Кирилла Ольговича в годы киевского княжения Владимира Мономаха (1113–1125 г.), историк предположил, что «былина о Чуриле могла быть сложена при дворе Мономаха в те годы, когда молодой князь находился в Киеве у Владимира, то есть в 1120-е годы» [Там же].

Более определенно относительно отождествления Дюка Степановича с реальным историческим персонажем Б. А. Рыбаков высказался в другой своей монографии, посвященной знатному киевскому боярину Петру Бориславичу, которого историк считал автором «Слова о полку Игореве». Продолжая настаивать на том, что Чурила Пленкович = Всеволод Ольгович, Б. А. Рыбаков нашел среди его современников исторического деятеля по имени Степан (точнее Стефан/Иштван) в лице одного из братьев венгерского короля Гезы II (1141–1162 г.) [Рыбаков, 1991, с. 200, 203]. Разумеется, это потребовало радикального пересмотра датировки появления первых былин о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче, прежде всего отказа от опоры на упоминания в этих эпических произведениях киевского князя Владимира, поскольку в таком случае все описанные в былинном цикле события должны были происходить уже после смерти Владимира Мономаха. Как представитель исторической школы, Б. А. Рыбаков высказывает суждение, прямо противоположное приведенному выше заявлению В. Я. Проппа: сказания о Чуриле и Дюке «относятся к жанру былин-новелл, скорее дворцового, чем народного происхождения; куртуазный характер преобразил реальные события, военное противостояние заменилось состязанием в щегольстве или в конском ристании, но сохранилось слишком много деталей исторической действительности 1140-х годов...» [Там же, с. 199]. Справедливости ради следует отметить, что Б. А. Рыбаков в данном случае, разумеется, имел в виду лишь те былинные эпизоды, где речь идет о состязаниях, в которых боролись за первенство Чурилы и Дюка, не затрагивая вышеописанные детали внутреннего убранства их жилищ.

Б. А. Рыбаков был не первым, кто пытался доказать венгерское происхождение Дюка Степановича, и не первым, кто назвал будущего короля Стефана (Иштвана) IV прототипом этого былинного персонажа. Так, В. Ф. Миллер, считая, что образ Дюка списан с пресвитера Иоанна — автора легендарного послания византийскому императору Мануилу I Комнину (1143–1180 г.), тем не менее, заявлял о том, что отчество Дюка — Степанович — заимствовано от венгерского короля Стефана [Миллер, 1897, с. 61–63]. Поскольку в образе Владимира «стольно-киевского» в рассматриваемых былинах В. Ф. Миллер также видел василевса Мануила, его версия о заимствовании сказителями отчества Дюка от одного из наиболее популярных имен в правящем роде Арпадов выглядит, по меньшей мере, странной. Более однозначной представляется позиция А. И. Лященко, который убежден в том, что под именем Дюка скрывается именно венгерский король Стефан (Иштван) IV (1163 г.). При этом исследователь обращает внимание как на бытовые детали, видя в пуговицах и петлях Дюкова кафтана характерные признаки венгерского народного костюма, так и на характер Иштвана IV, который, по утверждению А. И. Лященко, так же как и былинный Дюк, был хвастлив и любил вино [Лященко, с. 68–70]. К сожалению, доказательства такого рода являются слишком абстрактными.

В отличие от своих предшественников, опиравшихся на отдельные малозначимые или абстрактные основания, Б. А. Рыбаков приводит в доказательство своей концепции 12 аргументов, первые 6 из которых посвящены аргументации тезиса «Чурила = Всеволод Ольгович» и представляют собой летописные и археологические данные (по большей части гипотетические), к которым можно отыскать исторические параллели в той или иной былине рассматриваемого цикла [Рыбаков, 1991, с. 199–200]. Еще 6 аргументов Б. А. Рыбаков привел

в доказательство того, что прототипом Дюка Степановича является венгерский принц Стефан (Иштван), якобы посланный старшим братом — королем Гезой II — на Русь в помощь врагам Всеволода Ольговича. Эти аргументы (с 7-го по 12-й) будут рассмотрены в том же порядке, в каком они приведены в книге Б. А. Рыбакова².

Аргумент № 7 сформулирован так: «Дюк Степанович» — тоже реальный персонаж. Это венгерский герцог (“дюк”, “dux”) Стефан, родной брат короля Венгрии Гейзы II. Гейза был женат на сестре Изяслава Мстиславича и неоднократно посылал свои полки против Всеволода и других (неупомянутых) врагов Изяслава» [Рыбаков, 1991, с. 200]. Оставляя в стороне утверждение о реальности Дюка Степановича, хочу дать историческую справку о Стефане (Иштване) — младшем брате Гезы II. Он действительно носил титул *dux* с 1152 г., когда король выделил ему герцогское держание в виде одной из областей владений Арпадов в качестве «отступного», чтобы Иштван не оспаривал впоследствии престол у сына и наследника Гезы II Иштвана III (1162, 1163—1172 г.)³. Разумеется, от эпоса нельзя требовать такой же хронологической точности, как от летописи, но в 1144 г., когда Геза II действительно *единственный раз* (!) посылал войско против Всеволода Ольговича, венгерский король еще не был женат на дочери Мстислава Великого⁴. К тому же Геза тогда оказал военную помощь не Изяславу Мстиславичу, а основателю Галицкого княжества Владимиру Володаревичу (1141—1153 г.). В связи с этим следует признать, что аргумент № 7 основывается на ошибочных данных и не может быть принят.

Кстати, с утверждением о том, что имя Дюк — прямое доказательство иностранного происхождения былинного героя, категорически не соглашался В. Я. Пропп, который по этому поводу писал: «Имя это может считаться совершенно русским. Нет необходимости возводить имя Дюка к латинскому, западноевропейскому дукс (герцог, вождь) или к византийскому дукас, что означало титул, а затем стало родовым и собственным именем. Уже Халанский показал, что имя “Дюк” может быть увязано с украинским “дук”, означающим “богач”. Звук “у” при переходе с юга на север мог превратиться в “ю”. Это толкование правильно потому, что Дюк — не герцог, не военачальник и не рыцарь, а русский боярин и богач. Вся былина посвящена его сказочному богатству, и самоё имя его означает “богач”» [Пропп, с. 478].

Аргументация В. Я. Проппа, безусловно, заслуживает самого серьезного внимания, однако она проистекает из его общей концепции о том, что цикл былин о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче отражает исключительно реалии XVI—XVII в., которой подчинены все его рассуждения в специальном разделе цитируемой монографии. Поскольку намерение В. Я. Проппа доказать правильность точки зрения В. Г. Белинского, заявившего о рассматриваемых произведениях: «Эта простодушная ирония есть один из основных элементов русского духа» [Белинский, с. 389], заявлено уже в самом начале главы, посвященной былинам о Дюке и Чуриле [Пропп, с. 389], мнение известного советского фольклориста представляется основанным на явном предубеждении к любым попыткам дать иностранную этимологию имени Дюк, которая видится мне более вероятной.

Перехожу к аргументу № 8: «В былинах все упрощено и сокращено, но основное осталось: Дюк Степанович, выезжающий из города Волынца (или Галича), — это олицетворение

² Хотя и в наше время былины о Дюке Степановиче продолжают изучаться представителями «исторической школы» (см.: [Фроянов, Юдин]), точку зрения Б. А. Рыбакова о тождестве Дюка и будущего Иштвана IV и ее аргументацию до сих пор никто не рассматривал.

³ Эта мера оказалась безрезультатной. В 1157 г. Иштван поднял мятеж против брата, после провала которого бежал из страны, а в январе 1163 г. ему удалось с византийской помощью на полгода захватить венгерский престол. Он вошел в историю под именем антикороля Иштвана IV.

⁴ Наиболее вероятный год женитьбы Гезы II на Евфросинье Мстиславне — 1146, на что указывает рождение их первенца Иштвана во время прохождения крестоносного войска через Венгрию в середине 1147 г. Мнение Д. Домбровского, считающего, что этот брак был заключен в 1144 г., представляется недостаточным обоснованным, поскольку опирается на приблизительный возраст вступления в брак одной из дочерей и внучек Гезы и Евфросиньи (см.: [Dąbrowski, s. 174]).

сил, борющихся против Чурилы, а Чурила — местный киевский персонаж, несомненный Ольгович» [Рыбаков, 1991, с. 202]. Упоминание главных городов юго-западной Руси Галича и Владимира-Волынского (Волынца) в качестве мест, откуда мог происходить Дюк Степанович, представляется одним из важных контраргументов против концепции В. Я. Проппа. Не думаю, что в послеордынскую эпоху названные княжеские центры были так же известны в «Московии», как они считались центрами сильных в экономическом и военном отношении княжеств до середины XIV в. В столетия, к которым В. Я. Пропп относит складывание цикла былин о рассматриваемых героях, сильнейшим и богатейшим городом бывшей юго-западной Руси был уже Львов. Из этого следует закономерный вывод о том, что событийный ряд, на основе осмысления которого возникли в XVI–XVII в. былины о Дюке и Чуриле, может указывать и на домонгольское время.

Справедливости ради следует отметить, что упоминанием Галича и Владимира-Волынского не исчерпывается указатель географических ориентиров былинной родины Дюка Степановича. Некоторые сказители утверждают, что он жил в Кореле⁵ и даже в Индии⁶. В этом проявляется, прежде всего, стремление сказителей показать своим слушателям, что воспеваемые ими события происходили где-то далеко. А упомянутые более поздние варианты (Корела, Индия) никак не ослабляют аргументацию в пользу отражения в первоначальных вариантах былин о Дюке реалий юго-западной Руси⁷.

Насколько прав Б. А. Рыбаков в утверждении о том, что Дюк Степанович является олицетворением сил, вступивших в конфликт с Всеволодом Ольговичем⁸? Если обратиться к летописному материалу, то Всеволод дважды совершал походы в юго-западную Русь — в 1144 и 1146 г. При этом, как указывалось выше, галицкий князь Владимир Володаревич лишь в первом из этих конфликтов получил помощь от венгерского короля Гезы II. Правда, венгры ранее участвовали в походе княжеской коалиции против Всеволода Ольговича в 1138 г., когда тот еще занимал черниговский стол. Если же суммировать все эти факты, то получается, что мнение Б. А. Рыбакова, по крайней мере, подтверждается в одном аспекте: у Всеволода Ольговича никогда не было союзнических отношений с Арпадами. Венгерская правящая верхушка либо поддерживала врагов Всеволода, либо оставалась нейтральной в его конфликтах с другими князьями⁸.

В следующем аргументе Б. А. Рыбаков выходит за рамки событийного ряда, характеризующего противостояние Всеволода Ольговича и Владимира Володаревича, и пытается найти в рассматриваемом цикле былин следы более поздних конфликтов: «9. Дела Изяслава Мстиславича отразились в том, что у Дюка-венгра вдруг оказываются новгородские стрелы, а в число его владений входит “Корела упрямая”. Все объясняется тем, что, обороняясь от Ольговичей, Изяслав привлек в 1148 году на свою сторону Новгород и полуподвластную ему Корелу. Сказители былин упомянули то, что было скрыто в хартиях, покрытых пылью веков» [Рыбаков, 1991, с. 200, 203]. Здесь речь идет о событиях, в которых никакого участия не принимали не только венгры, но и названный Б. А. Рыбаковым прототип Чурилы Пленковича. Исследователь явно имеет в виду тесные союзнические отношения, сложившиеся между киевским князем Изяславом Мстиславичем (1146–1149, 1150, 1151–1154 г.) и его зятем —

⁵ Беломорские старины и духовные стихи / Собрание А. В. Маркова; Отв. ред. Т. Г. Иванова; Подг. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002. С. 87.

⁶ Там же. С. 252. Есть варианты, где Корела является рекой в Индийской земле (см.: Былины Печоры и Зимнего Берега (Новые записи) / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л., 1961. С. 336).

⁷ Проблема родины Дюка специально обсуждалась исследователями также со времени публикации былин о нем (А. Н. Веселовский), с точки зрения темы настоящей работы она не имеет важного значения, поскольку ни Корела, ни тем более Индия не имеют никакого отношения к «венгерской версии».

⁸ См. об этом: [Юрасов].

венгерским королем Гезой II. Однако в отрыве от основной парадигмы концепции Б. А. Рыбакова — противостояние Дюка и Чурилы отражает поддержку Арпадами противников Всеволода Ольговича — рассуждения такого рода выявляют большие натяжки.

Самым важным в ряду приведенных Б. А. Рыбаковым аргументов является тот, что содержится под № 10: «Первый поход венгерских войск против Всеволода (еще не в защиту Изяслава), состоялся в 1144 году. Король Гейза II не участвовал в походе сам, а только послал войска, которые, по всей вероятности, возглавил его брат Стефан. Иначе очень трудно представить себе возникновение русского былинного образа Дюка Степановича, прямо указывающего на королевского брата, герцога Стефана. Летопись предельно лаконично говорит об участии венгров: “угры приведше ему себе в помощь”»⁹ [Рыбаков, 1991, с. 203]. В этих рассуждениях слишком много неточностей. Первый поход венгров против Всеволода (как указывалось выше) состоялся не в 1144, а в 1138 г. Кроме того, утверждая, что в былинах о Дюке Степановиче речь идет о конфликте Всеволода Ольговича с Владимиром Володаревичем 1144 г., Б. А. Рыбаков не поинтересовался возрастом принца Иштвана в названном году. Между тем самому Гезе II в тот год было не более 14 лет, следующему за ним брату Ласло — 13 лет, а Иштвану — третьему из сыновей Бельи II — только 11 лет. В связи с этим трудно представить себе, чтобы умудренный опытом и достигший власти формального лидера русских земель Всеволод Ольгович снизошел до состязания с 11-летним принцем, который не был тогда даже наследником венгерского престола. Если учитывать реалии тогдашней политической жизни Венгерского королевства, то Геза не мог в то время принять решение о посылке брата на Русь, поскольку государством фактически управляли его мать Илона (Елена) и ее брат бан Белуш.

В следующем аргументе Б. А. Рыбаков вновь находит параллель между одним из былинных эпизодов и известием ранних русских летописей. Привожу его полностью: «11. Отъезд Дюка Степановича из родной стороны сопровождался предостережениями родимой матушки, которая говорила о “трех заставах великих” на его пути. Первая застава — “горы толкучие”, которые раздвигаются, как Сцилла и Харибда, и могут задавить Дюка. Главное сражение Владимира со Всеволодом в 1144 году происходило на “голых горах”. Вторая застава — “две птицы клевучие” — не поддается расшифровке. Зато третья застава может порадовать нас: “Третья застава великая: / Лежит Змеище да Горынище / О двенадцати змия о хоботах / И тая змия тебя с конем сожрет!”

Летописная статья 1144 года, того самого года, когда венгерские войска в первый раз отправились на Русь, открывается следующей заметкой: “В лето 6642. Бысть знамение за Днепром, в Киевской волости: летящу по небеси до земли, яко кругу огнену и остася по следу его знамение в образе змия великаго и стоя по небу с час дневный и разидеся” (Ипатьевская летопись).

Эта запись сделана Петром в его переяславской летописи. Возможно, что здесь описана (но не очень точно определена хронологически) знаменитая комета Галлея, проходившая в 1140-е годы. Для него, временного жителя Переяславля, Киев действительно был “за Днепром”. Небесный змей, замеченный в начале года, предшествовал походу Стефана через “горы толкучие”» [Рыбаков, 1991, с. 203].

Прежде чем оценить весомость приведенной аргументации, следует отметить, что образы эпического произведения нельзя рассматривать настолько буквально, чтобы искать реальные соответствия явно мифологическим мотивам и считать сюжеты былин пересказом летописных известий. Но если следовать логике анализа Б. А. Рыбакова, то можно обнаружить более вероятные сведения средневековых нарративных источников, причем не только русских летописей, но и венгерских хроник.

⁹ В данном случае процитирована (без ссылки) Ипатьевская летопись (см.: ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Ипатьевская летопись [Репр.]. Стб. 315).

Рассмотрим ту часть одной из сюжетных линий былинного цикла о Дюке Степановиче, где мать предупреждает его об опасностях, которые подстерегают его на пути в Киев. Начнем с первой заставы. Как известно, в Средние века естественной границей между Русью и Венгрией были восточные отроги Карпат. Б. А. Рыбаков справедливо обращает внимание на то, что само военное столкновение между коалициями, собранными Владимиром Володаревичем и Всеволодом Ольговичем, произошло в горной местности, в окрестностях Перемышля, и это могло отразиться в словах былины о «горах толкучих». Что касается второй заставы, через которую должен был проехать Дюк и где сидят «две птицы клевучие», то в средневековых венгерских исторических сочинениях отразилось предание о том, что во время «обретения родины», когда венгры находились в одной из местностей, относящихся к Карпатской горной системе, они подверглись нападению больших стай хищных птиц. В главе 26 Композиции венгерских хроник XIV в. этот эпизод описан так: «...затем они перешли через Альпы в некую область, где увидели бесчисленных орлов, и из-за этих орлов не смогли там остаться, поскольку орлы слетали с деревьев, словно мухи, и пожирали их скот и лошадей. Бог желал, чтобы они поскорее пришли в Хунгарию. Отсюда они перешли через горы за три месяца и прибыли, вопреки воле упомянутых племен, к границам страны Хунгарии, а именно в Эрдель (Трансильванию. — М. Ю.)»¹⁰. Как видно из приведенной цитаты, горная область, в которой гнезилось огромное количество пернатых хищников, находилась на тех отрогах Карпатских гор, которые являлись естественной границей средневековой Трансильвании.

Наконец, обратимся к описанию третьей заставы, через которую должен проехать Дюк Степанович. Как указывалось выше, Б. А. Рыбаков сопоставляет его с летописной информацией, датированной 1144 г., когда, по мнению историка, произошел конфликт, в котором приняли участие прототипы Чурилы Пленковича и Дюка Степановича. Историк исходил из гипотезы, что в данном случае в Ипатьевской летописи приведено известие, автором которого является Петр Бориславич. Можно согласиться с тем, что автор сообщения о небесном знамении, скорее всего, был переяславцем. Д. О. Святский и Н. Г. Бережков склонялись к тому, что здесь, скорее всего, речь идет о падении большого метеорита [Святский, с. 243; Бережков, с. 146].

Оставаясь в рамках концепции Б. А. Рыбакова, я бы связал рассматриваемые фразы былины не с летописным известием об астрономическом явлении, внешне напоминавшем летящего в небе огромного змея, а с местностью, откуда мог прийти на Русь венгр Дюк Степанович, тем более что знамение сообщало о летящем змее, а в былине речь идет о лежащем. Одним из первых венгерских комитатов, созданных на землях так называемой Русской марки, был комитат Унг, занимавший часть современной Закарпатской области Украины. По свидетельству Композиции венгерских хроник, этот королевский замковый округ возник после набега на северо-восточные области Венгрии половецких отрядов под предводительством хана Кутеска, совершенного в 1085 г.¹¹ Этот комитат располагался как раз на главном пути из Венгрии на Русь. Его центром стал Унгвар (соврем. Ужгород), гарнизон которого призван был обеспечивать, прежде всего, безопасность названной дороги, проходившей через Верецкий перевал. С точки зрения темы настоящего исследования важно то, что река Унг, на которой находился Унгвар, по-славянски

---

¹⁰ “...deinde transierunt Alpes in quondam provinciam, ubi viderunt aquilas innumirabiles, et ibi propter aquilas illas manere non potuerunt, quia de arboribus tamquam musce descendebant aquile et consummebant devorando pecora eorum et equos. Volebat enim Deus, ut citius descenderent in Hungariam. Exinde montes transcenderunt (Vdescenderunt) per tres menses et deveniunt in confinium regni Hungarie, scilicet in Erdelw invitis gentibus memoratis” (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / Ed. A. Domanovszky // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae Gestarum. Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Budapestini, 1937 (далее — SRH). Vol. I. P. 286). Буквой *V* обозначен вариант Венской хроники, отличающийся от стоящего перед скобками слова, употребленного в списках «семейства» Будской хроники.

¹¹ SRH. Vol. I. P. 408.

называется *Уж*, откуда и название города — Ужгород. Если Дюк Степанович двигался на Русь кратчайшим путем, то он должен был проследовать через комитат Унг (*Уж*), где он не мог избежать встречи с венгерской пограничной стражей. Не является ли упоминание матерью Дюка заставы, где лежит «Змеище-Горынище», былинной гиперболизацией реалий более раннего времени, когда пограничная застава между владениями Рюриковичей и Арпадов располагалась на реке *Уж*, название которой совпадает с названием одного из родов змей? При этом, если посмотреть на карту, невольно возникает убеждение в том, что название этой реки происходит от того, что она извиляется на местности, подобно ужу, а самые первые километры ее течения как раз обозначали часть южной границы Перемышльской волости.

Последний из приведенных Б. А. Рыбаковым аргументов в пользу отождествления названных былинных героев с будущим Иштваном IV и Всеволодом Ольговичем посвящен их конфликту вне поля боя: «12. Соперничество Чурилы с приезжим Дюком Степановичем выражалось в богатстве и пышности одежды, но в ряде былин есть эпизод состязания в конских скачках: “а который из нас перескочит через Пучай-реку”. Чурило проиграл: “О полу-реки Чурило в воду вверзился!”

Конские ристания в Киеве сразу напоминают нам турнир, устроенный венграми, союзными Изяславу, в Киеве в 1151 году: “Тогда же угре (венгры) на фарех (скакунах) и на скоках играхуть на Ярославли дворе... Кияне же дивяхуться угром множеству и кметьства их (их рыцарству) и кономем их”¹² [Рыбаков, 1991, с. 203]. Этот аргумент следует признать заслуживающим внимания, поскольку он показывает, что венгры, регулярно приходившие на Русь в составе вспомогательных отрядов к тому или иному князю — союзнику Арпадов, воспринимались русскими в рассматриваемое время как представители иной культуры, отдельные элементы которой расценивались как «дикивинные». Это очень хорошо соотносится с некоторыми былинными эпизодами.

Оценивая в общем концепцию Б. А. Рыбакова, попытавшегося дать более серьезные обоснования тождества прототипа Дюка Степановича с венгерским принцем Иштваном — будущим королем Иштваном IV, чем это сделал А. И. Лященко, следует отметить, что аргументы в пользу венгерского происхождения названного былинного героя выглядят более обоснованными, чем в плане его конкретной персонификации. Как указывалось выше, принц Иштван был слишком юн, чтобы возглавить венгерское вспомогательное войско, пришедшее на помощь галицкому князю Владимиру Володаревичу в 1144 г. Упоминание Галича и Вольни как мест, называемых в качестве родины Дюка, опровергает категорическое утверждение В. Я. Проппа о том, что рассматриваемый былинный цикл не мог возникнуть ранее XVI в.

Принятие Дюка русскими людьми за иностранца, его высказывания о плохом качестве русского вина, которое (учитывая соседство юго-западной Руси с владениями Арпадов и высокий уровень развития венгерского виноделия) с наибольшей вероятностью мог сделать именно житель Венгрии, а также утверждение Дюка о том, что его царство видно с горы на границе, в совокупности с указанными выше уточнениями аргументации Б. А. Рыбакова по этому поводу приводят к выводу о приходе Дюка на Русь из владений Арпадов. Б. А. Рыбаков в стремлении найти как можно больше аргументов для обоснования своей концепции и отождествления Дюка с будущим Иштваном IV ограничивается лишь рассказом Ипатьевской летописи о конфликте 1144 г. в юго-западной Руси. Между тем Лаврентьевская летопись называет в качестве предводителя венгерского войска, пришедшего на помощь Владимиру Володаревичу, «Бана, королева оуя»¹³, то есть тогдашнего фактического правителя Венгрии бана Белуша (Белоша) —

¹² В данном случае вновь процитирована без ссылки Ипатьевская летопись (см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 416 (под 6658 (1150/1151) г.)).

¹³ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е [Репр.]. Стб. 311.

дядю юного короля по матери. Учитывая то, что летописцы всегда отмечали, когда король лично возглавлял пришедшее на Русь венгерское войско, они, скорее всего, и в этот раз указали бы на то, что «Бан» пришел с «королевичем».

Белуш (ум. ок. 1163 г.) происходил из династии сербских великих жупанов, многие из которых принимали имя Стефан при крещении. Кстати, в ранних летописях (особенно в Лаврентьевской) приводится первопричина того, что враждующие стороны так и не вступили в сражение — сначала между ними была река Сирет, а затем другая, более мелкая река, названная в Ипатьевской летописи Белкой. Некоторое время оба войска не решались вступить в битву, поскольку не находили для этого удобного места. Судьба военной кампании была решена не в открытом столкновении, а ловким маневром Всеволодова войска, сумевшего зайти в тыл полкам Владимира Володаревича и встать между ними и Галичем, что заставило галичан потребовать от своего князя немедленного замирения с Всеволодом¹⁴. Стояние войск враждебных коалиций на берегах малой реки, во время которого могли предприниматься попытки групп «удалых молодцев» переправиться на другой берег и нанести урон противнику, вполне могли отразиться в былинном сюжете о соревновании между Чурилой и Дюком в том, кто перепрыгнет Почай-реку.

По свидетельству ранних летописей, Владимир Володаревич попросил брата Всеволода Ольговича Игоря выступить посредником в деле примирения враждующих сторон. В конечном счете, конфликт был исчерпан после уплаты Владимиром 1200 (Лаврентьевская летопись) или 1400 (Ипатьевская летопись) гривен серебра Всеволоду¹⁵, что свидетельствует о сосредоточении в руках галицкого князя значительных богатств. Вряд ли можно сомневаться в том, что на всем протяжении переговорного процесса, приведшего к замирению враждующих сторон, венгерское вспомогательное войско находилось при Владимире Володаревиче. В период ожидания завершения конфликта венгерские воины, несомненно, занимались военными упражнениями. Как известно, основу венгерского войска составляла кавалерия. Высокий уровень развития этого рода войск венгры сохранили от времен, когда они вели кочевой образ жизни. Тем более, природные условия Среднего Подунавья были весьма благоприятными для развития табунного скотоводства. Это могло отразиться в сюжетной линии о состязаниях героев в рассматриваемых былинах, в подчеркивании спортивности Дюкова коня, на которое обратил внимание еще Орест Миллер [Миллер 1869, с. 587–616]. Вполне возможно, что в 1144 г. под Галичем венгры так же показали русским воинам свое высочайшее мастерство владения различными кавалерийскими приемами, как они продемонстрировали это киевлянам в 1150 г.¹⁶

Что же касается известности бана Белуша на Руси, то зимой 1150/1151 г. брат тогдашнего киевского князя Изяслава Мстиславича Владимир женился на дочери Белуша, настоящее имя которой не сохранилось ни в летописях (где она названа Бановной), ни в других источниках¹⁷. Заключение этого брака побуждало впоследствии Изяслава Мстиславича посылать именно Владимира в Венгрию, считая его человеком, сведущим в вопросах внешней политики Арпадов¹⁸. Хотя отождествление Б. А. Рыбаковым Дюка Степановича с младшим братом Гезы II Иштваном представляется лишеным серьезных оснований, в нем все же есть одна сильная сторона. В Венгрии рассматриваемого времени титулом *dux* могли обладать только представители правящего рода Арпадов¹⁹. Изучение всех изданных дипломов, в которых упоминается Белуш, а также нарративных источников, где речь идет о дяде Гезы II, показало, что в дипломах Белуш

---

¹⁴ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 311; Т. II. Стб. 315.

¹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 312; Т. II. Стб. 316.

¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 416.

¹⁷ Там же. Стб. 407.

¹⁸ См. Ипатьевскую летопись под 6658 (1150/1151) г.: «Володимеру же, брату своему, Изяславъ рече: “брате, ты еси в Оугрехъ былъ оу зятя своего, оу короля, ты вѣдаешь всю мысль и думу ихъ...”» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 408).

¹⁹ Выражаю благодарность Марте Фонт за консультацию по данному вопросу.

езде назван баном²⁰, в венгерских средневековых хрониках — баном (ban) и дядей короля (avunculus domini regis)²¹. Однако в зарубежных (по отношению к Венгрии) нарративных источниках это соблюдается не всегда. Так, в сочинении епископа Оттона Фрейзингенского «Деяния императора Фридриха I» в описании событий, датированных 13 января 1158 г., где речь явно идет о бане Белуше, употреблено словосочетание «ducem Belum»²². Из этого можно сделать вывод о том, что для иностранца, незнакомого с венгерскими средневековыми традициями титулования высшей знати, Белуш вполне мог восприниматься как дукс, тем более что он занимал в 1146—1157 г. высший в средневековой Венгрии государственный пост надора (comes palatinus) и предводительствовал венгерским войском в конфликтах Арпадов в то время с соседними правителями.

Таким образом, если мы допускаем, что в былинном цикле о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче нашли отражение реальные исторические события 40-х годов XII в., когда Арпады активно вмешивались в междукняжеские отношения на Руси, то знатным иностранцем, пришедшим из Венгрии и фигурирующим в былинах под именем Дюка, скорее всего, был бан Белуш.

Литература

- Астахова А. М. Былины Севера. М., 1951. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье.
Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1954. Т. V.
Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
Донской Д. В. Рюриковичи. Исторический словарь. М., 2008.
Ляценок А. И. Былина о Дюке Степановиче // ИОРЯС. 1925. Т. XXX. С. 45—142.
Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897. Т. I.
Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869.
Пропп В. Я. Русский героический эпос. Изд. 2-е. Л., 1958.
Рыбаков Б. А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. М., 1963.
Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.
Святский Д. О. Астрономия Древней Руси. С каталогом астрономических известий в Русских летописях, составленных М. Л. Городецким. М., 2007.
Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история. СПб., 1997.
Юрасов М. К. Политика Арпадов по отношению к Руси после провала авантюры Бориса Калмановича // Средневековая Русь. М., 2011. Вып. 9. С. 99—137.
Dąbrowski D. Genealogia Mściślawiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008.
Vasmer M. Russisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1958. Bd. 3.

²⁰ Codex diplomaticus Hungaricae ecclesiasticus ac civilis. Studio et opera G. Fejér. Budae, 1829. Т. II. P. 165—167; Budae, 1831. Т. VII. Vol. I. P. 148—149; Árpádkori új okmánytár / Ed. G. Wenzel. I. k. Pest, 1860. P. 56—57, 60, 62—63.

²¹ Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // SRH. Vol. I. P. 456; Johannes de Thurocz. Chronica Hungarorum. I. Textus / Ed. E. Galántai et J. Kristó. Budapest, 1985. P. 132.

²² Ottonis Frosingensis, episcopi. Gesta Friderici imperatoris // Gombos F. A. Catalogus fontium historiae Hungaricae aeo documet regum ex stripe Arpad descendentium ab anno Christi DCCC usque ad annum MCCC. Budapestini, 1938. Т. III. P. 1770.